

нормативным. Регулирование и контроль над нормативными и ненормативными телами включает множество социальных практик дисциплинирования не соответствующих тем или иным культурным кодам тел. Поэтому тема тела и телесности является исключительно важной, позволяющей затронуть множество вопросов, ускользающих из привычного круга обсуждения видов дискриминации и исключения в контексте современных риторик прав человека.

1 Спасская В. *Библия гламура* (СПб.: Вектор, 2008), 224 с.

Людмила Малес: Темкина Анна. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008), 376 с.

Рецензии обычно не начинают с преамбул, но я все-таки начну. Речь пойдет о гендерной рассылке ХЦГИ в августе 2008 года, а точнее – о разгоревшейся в ней дискуссии об уместности обсуждения гендерными исследовательницами и исследователями, принадлежащими в основном к академическому дискурсу, военных действий между РФ и Грузией вокруг вопроса о Южной Осетии. Как оказалось, все читатели и читательницы рассылки из разных регионов мира с неослабевающим вниманием следили за новостями из горячих точек. Однако мне в этом контексте припомнилось парижское выступление известного правоведа и социолога Максима Ковалевского¹. Его темой были кровно-родственные отношения у народов Северного Кавказа, на изучения которых Российская империя бросила лучшие интеллектуальные силы того времени. Причина такой научной заинтересованности для Ковалевского понятна и прозрачна – завоевание Кавказа. Научный анализ при этом должен был выявить как а) причины трудностей в проведении военных операций, так и б) возможности управления новыми территориями. И то, и другое было обусловлено элементарным незнанием местных традиций, быта и нравов.

Как напомнил докладчик, Россия уже прибегала к помощи ученых (в основном ссыльных) при освоении территорий Севера, Кавказа и Сибири. Настроенные с помощью Российского географического общества систематические наблюдения и исследования родоплеменной структуры общин, половозрастных ролей и отношений помогли местной администрации установить в конце концов

собственную власть в этих регионах.

Исследования Ковалевского, действительно, вскрыли причины раздробленной и разобщенной родовой структуры многочисленных народов Кавказа. Также было показано, что часто способами урегулирования конфликтов или же, наоборот, усиления одной из конфликтующих сторон было использование связей в системе родственных и брачных структур, сохраняющих следы матриархата или даже их насильственное порождение.

После этой небольшой преамбулы вернемся к рецензируемой книге Анны Темкиной. Первое впечатление, которое возникает хотя бы после беглого взгляда на эту книгу – ощущение диссонанса: так мало согласуется название, отсылающее к большому ассортименту изданий на тему «про это», с оформлением обложки в черном цвете с изящным серебристым женским силуэтом. Диссонанс вызывает и кажущийся иногда излишне академизированным текст, выдержанный в стиле отчета о проекте, с полнейшим отсутствием иллюстраций. Однако, возможно, этот диссонанс и вызван именно желанием автора отделиться от пресыщенного сексизмами современного масс-медийного дискурса сексуальности.

Итак, перед нами столь редкое в постсоветском пространстве научное социологическое исследование женской сексуальности.

Как следует из перечня источников, списка авторских публикаций по теме исследования, выступлений на конференциях, а также многочисленных благодарностей за участие в обсуждении замысла и отдельных его тезисов, исследовательнице удалось создать широкое и представительное поле обсуждения проблематики.

В основу книги легли три авторские исследования: российское в Санкт-Петербурге, армянское в Ереване и таджикское в Худжанде (наиболее индустриализированный и русифицированный город на Севере страны). Общей целью было изучение трансформации (модернизации) сексуально-гендерного порядка этих трёх стран.

Главные результаты этих исследований А. Темкина неоднократно излагает во введении и подтверждает выводами. Используя сценарный подход, исследовательница выделяет модернизированные сценарии женской сексуальности, соотношение и трансформация которых прослеживаются на материалах советского и постсоветского периодов.

В Таджикистане (Глава 2) исследовательницей реконструируется культурный сценарий, жестко связывающий сексуальную жизнь женщины с браком и деторождением. Центральный культурный код – брак по договору родителей – выступает основным механизмом контроля и подчинения женщины (отчасти, кстати, и мужчины) правилам сообщества и поддержания половозрастных иерархий. Такой сценарий имеет парадигмальный характер, он регламентирует все этапы жизненного цикла, особенно жестко – в пубертатный и репродуктивный период. Гендерные и сексуальные предписания женщине составляют единое

целое. Девственность невесты, патриархатная и патрилокальная организация семьи, гендерная и поколенческая субординация, многодетность являются общепринятыми нормами.

Вместе с тем под влиянием советской модернизации, как доказывает А. Темкина, возникли некоторые вариации в осуществлении данного сценария конструирования женской сексуальности. В частности, допустимыми стали разводы, аборты, повторные браки; допускается, хотя и жестко контролируется, работа женщины в публичной сфере. В результате, по мнению автора, легитимируется более модернизированный сценарий женской сексуальности, который отклоняется от парадигмального.

В Армении (Глава 3) также существует (и исследуется автором) детальная регламентация сценария женской сексуальной жизни. Центральным кодом сексуально-гендерного порядка является контроль добрачной девственности. Автор доказывает, что контроль сексуальной жизни женщины осуществляется на протяжении всего жизненного цикла, однако степень его жесткости различна на разных стадиях. Наиболее строго регламентируется этап вступления в брак, хотя он, в отличие от Таджикистана, заключается не только по выбору родителей, но и по выбору самих молодых людей, вступающих в брачные отношения. Общество контролирует девственность невесты (т.е. отсутствие у нее добрачных сексуальных связей), с которой связана ее репутация. С другой стороны, в позднесоветский период, как и в России, среди образованного городского населения получают распространение романтические дискурсы и сценарии сексуальности, в определенных кругах допускается добрачный секс, хотя такие практики тщательно скрываются. В то же время автор доказывает, что в постсоветский период формирования национального государства в Армении усиливаются традиционалистские тенденции: национальная идентичность связывается исключительно с ценностями семьи и патриархатным гендерным порядком.

В России (Глава 4) в позднесоветский период среди городского населения культурный сценарий женской сексуальной жизни не является жестко и детально регламентированным. Хотя он по-прежнему определяет основные стандарты – гетеросексуальность, связь брака и деторождения, гендерные различия и т.п. – в повседневности получают распространение и другие, более разнообразные, межличностные сценарии. Эмпирически были выделены брачно-пронатальный, романтический, коммуникативно-партнерский и гендерно-достижительный варианты. В них репрезентированы различные центральные коды: брак и материнство, любовь, дружба, утверждение мужественности/женственности. Замужество и рождение детей являются в позднесоветский период важнейшими компонентами женской идентичности, однако они не исчерпывают всех гендерных ролей, не определяют траектории женского жизненного курса. А. Темкина делает вывод о том, что гендерный контракт в России не имеет такой жесткой связи с нормами сексуальной жизни, как в

случае Таджикистана и Армении. Контракт «работающая мать» и его роли может выполнять как замужняя, так и незамужняя (например, разведенная) женщина или женщина, состоящая во внебрачных отношениях. Сфера сексуальности в этот период становится относительно автономной от брака.

Особенностью российского контекста дискурса женской сексуальности, как специально указывает А. Темкина, является лицемерие, то есть систематическое расхождение официально декларируемых норм морали, брака и сексуальности и норм, регулирующих повседневную жизнь и допускающих значительные вариации и отклонения от официально декларируемых. Следствием либерализации при отсутствии ее институциональной поддержки является массовый опыт абортс среди женщин позднесоветского поколения. Аборт – это важнейший культурный код женской сексуальной жизни, по мнению автора.

В постсоветский период дискурсивного бума вокруг проблемы сексуальности становятся очевидными тенденции дальнейшей приватизации и индивидуализации женской жизни. Автор доказывает, что отношение к сексу в ситуации выбора и неопределенности становится более рациональным. Возникают институциональные условия, которые позволяют осуществлять репродуктивное планирование и контроль сексуального здоровья. А. Темкина констатирует, что женская сексуальная жизнь сегодня «оторвалась» от брака, хотя существует и противоположная тенденция, в частности в религиозных сообществах. Именно сегодня, как доказывает исследовательница, признается ценность практик удовольствия в женской сексуальности: стремление к достижению оргазма, по мнению А. Темкиной, претендует сегодня на центральный культурный код сексуальной сферы как в масс-медийном дискурсе, так и в женских биографических интервью. С другой стороны, доказывает автор, сексуальность коммерциализируется и используется как ресурс, повышающий жизненные шансы женщины (на брак, обеспеченность детей, доступ к престижному сектору потребления).

Таково краткое содержание книги. Ее особенностью является то, что она насыщена многочисленными исповедями проинтервьюированных женщин и мужчин (иногда в виде коротких реплик, иногда – длинных цитат). Прочтя узнаваемые эпитеты, восклицания и речевые обороты, начинаешь не просто верить, а буквально телесно ощущать сказанное. Индивидуальные биографии дополняются статистическими и социологическими данными, демонстрирующими общность тенденции.

Вводная часть книги посвящена методологическим вопросам, среди которых можно найти и обоснование общей стратегии исследования, и избранных объектов, и метода получения данных, и выборки, и порядка анализа и представления информации. Однако именно здесь мне хотелось бы высказать несколько пожеланий автору: ведь если уж взят «высокий» академический тон и выбран принцип компаративистского исследования (это всегда является большим со-

близком для коллег-социологов хотя бы из-за того, что можно использовать его результаты), вопросы методологии и методики немаловажны для успеха всего научного предприятия.

Прежде всего, нельзя не согласиться с исследовательницей в приоритетности гуманистической/мягкой методологии при изучении данной темы. Однако, на мой взгляд, стоит заметить, что небольшая выборка и нерепрезентативность – скорее следствие, а не признак использования качественных методов, как это следует из обоснования стратегии.

Во всех исследованиях количество и место проведения интервью весьма различны: 10 женских интервью в Худжанде, 32 – в Ереване и 3 (плюс данные некоторых предыдущих исследований) – в Санкт-Петербурге. При этом Худжанд – небольшой городок (если судить по численности населения), Ереван – столица, а Санкт-Петербург – это «4,5-миллионная провинция». Кроме того, на мой взгляд, не следует пренебрегать неявно поднятым в тексте вопросом влияния особенностей и типа городской среды на а) поддержку или б) расшатывание культурной традиции в отношении женской сексуальности, ведь уже из имеющейся информации можно предположить разное присутствие гемайншафта и гезельшафта в этих трех городах. Да и при заявленной мощной грантовой поддержке авторских проектов ожидалось более масштабные исследования, что позволило бы избежать многочисленных оговорок именно в методологии и компаративистском принципе анализа феномена женской сексуальности.

Основное и, на мой взгляд, ограничивающее выводы исследования условие связано со статусом информанток и информантов²: все интервьюируемые – горожане, причем с высшим образованием. Успешности данного проекта интервьюирования способствовал, очевидно, тот факт, что это, наверное, и есть самая близкая самой исследовательнице по общей (в том числе и языковой) культуре прослойка в каждом из взятых обществ. Но было бы корректней обозначить границы этой группы в названии всего проекта. Ведь *интеллигентская субкультура* – назовем ее так – все-таки каждый раз остается субкультурой (от латинского *sub* – под, около): её эволюция хоть и кажется опережающей, но не становится референтной для массовой культуры (примером чему стали идеи новых моделей гендерных отношений в 20-е годы 20 века, рожденные в среде революционной элиты и их искажение на обывательском уровне).

Поэтому, как мне кажется, в таком исследовании нельзя игнорировать и народную эротическую культуру, присутствующую в фольклоре, похабной лексике и народных эротических ритуалах, пропитывающих любые, в том числе современные традиции. Да и само выстраивание ряда модернизации в отношении женской сексуальности представленных культур – условно: ведь не так давно, например, и украинские этнографы начали писать о почти забытом ритуале «Коморы» (аналог армянского ритуала «Красного яблока»), в котором по аналогии с армянской культурой также присутствуют и вывешивание простыни после

первой брачной ночи, и мазанье дегтем ворот родителей «нечестной» невесты и т.п. И по сей день в Украине упоминается шествие с красным флагом в селах в конце многодневной свадьбы.

Выявленные же А. Темкиной напряжения реализации женской сексуальности во многом, на мой взгляд, порождение самой же модернизации: 1) появление и увеличение разрыва между окончанием пубертата и возрастом вступления в брак драматизирует вопрос о девственности; 2) детоцентризм, как это не парадоксально, подстегивает абортивное поведение, поскольку дети уже не воспринимаются как быстрорастущая рабочая сила, а как длительные иждивенцы и т.п. Внимание к этим и многим другим сопутствующим факторам модернизации позволило бы сделать анализ более систематическим и – за счет этого – определить возможные новые теоретические подходы в изучении проблематики женской сексуальности. А также – и их решения. Ведь преимущество гуманистической парадигмы в социологии как раз и состоит в нюансировке, в выявлении культурного разнообразия, которое включает в себя также и маргинальные, а не только магистральные пути. О них А. Темкина упоминала вскользь в таджикских и армянских исследованиях: на мой взгляд, опять-таки из-за ограничений выборки, широко развернутой в случае России (за счет наличия эмпирических данных ранее проведенных исследований). В то же время хотя темы добрачного и супружеского насилия, а также абортивного поведения не стали самостоятельной линией исследования в общей теме женской сексуальности, именно они привлекают к себе не меньшее внимание. Особенно проблематично в современных условиях либерализации сексуальности в теории женской сексуальности А. Темкиной звучат высказывания мужчин с их нигилистическим отношением к проблемам женской сексуальности, в частности их самоустранение от контрацептивных забот.

В заключение замечу, что многим моим коллегам и друзьям-социологам хочется порекомендовать книгу А. Темкиной вместе с известной работой Энтони Гиденса «Трансформация интимности» для медленного, то есть критического, аналитического и внимательного чтения.

1 См. Ковалевский М.М. «Клан у аборигенных племен России», пер. с фр. Д.В. Мирнова, *Социологические исследования*, 2002, № 5, с. 129–138.

2 Были проведены и частично использовались также и мужские интервью.